

Лу Гуйюань, услышав, что Ли Хуаймина нужно отправить куда подальше, чтобы больше никогда не видеть, пришел в полное негодование.

К тому же, разве найдется хоть одно место, максимально удаленное от столицы, которое не было бы глухой провинцией? Как он мог позволить Ли Хуаймину отправиться туда и терпеть лишения?

Однако, видя, что Система уже на грани безумия, он не хотел портить с ней отношения, а потому выбрал компромиссный вариант.

— Сделать Сюй Чжия танхуа — вполне возможно. На дворцовом экзамене он выступил блестяще, изначально шел четвертым, так что просто повысим его до танхуа.

Систему такой ответ устроил:

— А что насчет Ли Хуаймина? Куда ты собираешься его услатить?

Лу Гуйюань не ответил, а вместо этого спросил:

— Семерка, ты разве забыла, с чего всё начиналось? Изначально план был в том, чтобы Сюй Чжией стал чжуаньюанем, а я заточил его в своем дворце.

Не дожидаясь ответа Системы, он продолжил сам:

— Это нужно было, чтобы взбесить всех ученых мужей Поднебесной и заставить их поносить меня — распутного и бездарного императора. А теперь посмотри: чжуаньюань — Ли Хуаймин, первый красавец Поднебесной — тоже он. И если я, отринув этого красавца, сошлю его куда подальше, а вместо этого силой принужу к близости танхуа, чей талант и внешность уступают первому, как ты думаешь, что обо мне скажут в народе? Будут ли меня по-прежнему считать распутным бездарем?

Система уже хотела было выпалить: «А разве нет?», но осеклась. Действительно, если он отослал прочь первого красавца, разве можно назвать его поступок проявлением распутства?

— Они точно не станут называть императора бездарным распутником. Более того, наверняка скажут, что я до беспамятства влюблен в танхуа и ради верности ему удалил от двора самого прекрасного чжуаньюаня. А если еще найдутся охотники сочинить трогательную историю любви между мной и танхуа, которая растрогает тысячи сердец, боюсь, вся Поднебесная будет молить нас быть вместе. Разве удастся тогда реализовать твой план — вызвать гнев народа и заставить их поносить меня? Скорее, они начнут проклинать танхуа, называя его льстецом, околдовавшим государя.

Система молчала. Хотя Лу Гуйюань явно преувеличивал, звучало это весьма логично.

— Но, — продолжал он, продолжая вводить Систему в заблуждение, — если я силой принужу и чжуаньюаня, и танхуа, заточив их во дворце, разве я не сохраню образ распутного тирана и не разозлю ученых мужей вдвойне? Это же выгода с обеих сторон, идеальный план!

— ...

Система чувствовала, что в этом способе есть какой-то подвох, но при детальном рассмотрении все выглядело вполне разумно.

Лу Гуйюань, заметив колебания, приподнял бровь:

— Или предложи другой вариант, как выправить сюжет, который и так уже разваливается?

— ...

Система не смогла придумать ничего лучше и вынуждена была согласиться.

Однако, опасаясь, что при встрече с Ли Хуаймином Лу Гуйюань снова выкинет какой-нибудь фортель, она настойчиво повторила:

— Даже если Ли Хуаймин окажется во дворце, держись от него подальше. Не впутывай его в сюжет, пусть живет в самом дальнем углу дворца как невидимка. Четко следуй линии главного героя, без самостоятельности, понял?

Лу Гуйюань закивал и торжественно пообещал:

— Не волнуйся, для меня жизнь брата Главного бога важнее всего. Друзья как братья, я готов ради него на всё!

Только после этого Система успокоилась.

В итоге Лу Гуйюань, как и хотел, лично назначил Ли Хуаймина чжуаньюанем, Сюй Чжиюя — танхуа, а баньянем стал внук Великого наставника Яна, тоже весьма пригожий юноша.

Список с именами был оглашен. Услышав, что стал чжуаньюанем, Ли Хуаймин почувствовал, как многолетняя тоска в его сердце наконец сменилась сладостным удовлетворением. Пусть этот мир был не его родным, но этот титул чжуаньюаня Лу Гуйюань пожаловал ему лично.

Небесный Путь довольно посмеивался:

— Этот результат уже отклонился от сюжета. Система, эта мелочь, наверняка пыталась

помешать, но Лу Гуйюань всё равно выбрал тебя. Похоже, даже не помня о тебе, он сохранил к тебе те же чувства.

Улыбка Ли Хуаймина стала еще ярче, заставив окружающих, поздравлявших его, на мгновение потерять дар речи.

Затем чжуаньюань, баньянь и танхуа во главе процессии отправились на конную прогулку по улицам. Мужчины и женщины, старые и малые — все были очарованы неземной красотой чжуаньюаня. Цветы и фрукты летели в него, словно дождь.

Хотя танхуа и баньянь тоже были прекрасными юношами, в сиянии чжуаньюаня они выглядели лишь блеклым фоном.

Вечером состоялся банкет Цюнлинь. Ли Хуаймин как чжуаньюань по праву первым поднес вино императору и экзаменаторам.

Наконец-то достигнув заветной цели, он предвкушал великое будущее на службе государству. Мечтая о том, как они с Лу Гуйюанем станут примером идеального союза государя и советника, он пил бокал за бокалом. Хмель ударил в голову, щеки окрасились румянцем, а пион на лбу стал еще ярче и притягательнее.

Даже выдавшие виды сановники не могли отвести глаз, что уж говорить об остальных. Многие смотрели на него с таким оцепенением, что слуги, забывшись, сталкивались друг с другом, обливая всех вокруг вином и едой.

Придя в себя после этого наваждения, люди погрузились в глубокую тревогу: как такой одаренный и прекрасный человек угораздил попасть к такому непутевому правителю?

Теперь вся надежда оставалась на то, что император сдержит слово и не станет забирать ученых мужей в свой гарем. Иначе, если столь талантливого человека заточат в глубине дворца, превратив в игрушку, это будет величайшим несчастьем.

Взглянув на императора, восседавшего на троне, сановники помрачнели.

Вид, с каким император пожирал глазами Ли Хуаймина, заставлял их хотеть схватить его за плечи и закричать: — Да сдержись же ты хоть немного!

Система была того же мнения и проворчала:

— Еще чуть-чуть, и глаза у тебя из орбит выпадут!

Лу Гуйюань опомнился, поднес к губам пустой бокал, чтобы скрыть смущение, но взгляд его

по-прежнему был прикован к Ли Хуаймину:

— Прекрасное ценят все. Я лишь люблю красоту, а ты, искусственный разум, не мысли так пошло.

Система лишь хмыкнула.

— Кстати, не находишь, что Мин-эр сегодня особенно хорош, когда улыбается?

В этот момент Ли Хуаймин бросил на него лучистый взгляд. В этих чистых глазах было нечто такое, что вновь заставило Лу Гуйюаня ощутить, словно невидимые крючки тянут его душу к красавцу. Ему нестерпимо захотелось броситься к нему, обнять и прижаться.

Лу Гуйюань подумал: — Система, ты видела? Он только что подмигнул мне! Он определенно меня соблазняет!

Система усмехнулась:

— У него обычный взгляд, это у тебя мысли грязные.

Лу Гуйюань пропустил слова Системы мимо ушей, твердо уверенный, что Ли Хуаймин открыто его соблазняет. Сердце зудело от нетерпения, он хотел, чтобы банкет поскорее закончился — тогда он сможет похитить Ли Хуаймина, привезти в приготовленные покои и... ну, вы понимаете.

Наконец банкет подошел к концу. Не желая ждать ни секунды, он лично повел стражу, чтобы забрать пьяного, без чувств лежащего в карете Ли Хуаймина и отвезти его во дворец.

А Сюй Чжиюем занялся Цянь Бао, евнух из его свиты.

Система негодовала, но помешать не могла. Ей оставалось лишь наблюдать, как Лу Гуйюань собственноручно переносит бесчувственного Ли Хуаймина во дворец Ваншу (который Лу Гуйюань специально приказал переименовать).

А затем...

Он просто сел у кровати и всю ночь любовался спящим Ли Хуаймином.

Система и Небесный Путь, ожидавшие, что он воспользуется моментом, замерли в шоке.

Система с презрением подумала: — На словах лев, а на деле...

Небесный Путь вздохнул: — Какая возможность упущена! Неужели Лу Гуйюань после потери памяти стал таким трусом?

Лу Гуйюань же считал, что не мог поступить столь низко. Он просто хотел полюбоваться красотой вблизи, а остальные — просто пошляки, которые всё поняли превратно.

На следующее утро, еще до рассвета, Лу Гуйюань, полный сил, отправился на утренний доклад.

Это был важный сюжетный момент. Сановники уже знали, что вчера император похитил чжуаньюаня и танхуа, и весь город гудел от возмущения.

И теперь он, в роли тирана, должен был объявить на собрании о включении их в гарем, что стало бы еще одной порцией масла в огонь.

Вскоре после ухода Лу Гуйюаня в покои тихо пробрался юный евнух. Убедившись, что никого нет, он бросился будить Ли Хуаймина.

— Брат Миньюэ, проснись!

Ли Хуаймин с трудом открыл глаза. Его затуманенный разум не мог понять, почему Сюй Чжиюй, переодетый евнухом, оказался в его комнате. В следующее мгновение ему в руки сунули одежду евнуха.

Сюй Чжиюй прошептал в тревоге:

— Нет времени объяснять, переодевайся и уходи со мной, иначе будет поздно!

Ли Хуаймин, еще не до конца придя в себя, повиновался инстинктам, переоделся и последовал за Сюй Чжиюем.

Наблюдая, как тот ловко уводит его, минуя патрули и слуг, Ли Хуаймин, окончательно протрезвев от холодного ветра, изумился:

— Где мы? Как я здесь оказался?

Сюй Чжиюй понизил голос:

— Не помнишь? Это императорский дворец. Вчера нас сюда похитили по приказу императора.

Нас?

Ли Хуаймин был в полном замешательстве. То, что Лу Гуйюань похитил его, он еще мог понять, но почему Сюй Чжияй тоже здесь?

Видя его недоумение, Сюй Чжияй спросил:

— Ты забыл, как два месяца назад император объявил о выборе наложников-мужчин?

— Что? Лу... император решил выбрать наложников-мужчин? — Ли Хуаймин был настолько потрясен, что его голос невольно сорвался на крик.

Сюй Чжияй поспешно призвал его к тишине:

— Император объявил об этом на утреннем докладе, приказав всем молодым и красивым мужчинам явиться на отбор, и даже велел даосам изготовить снадобье, чтобы мужчины могли рожать. Об этом знает вся Поднебесная. Это просто безумие!

— ...

Ли Хуаймин сжал кулаки. Нет, Лу Гуйюань не мог так поступить, это точно происки Системы, заставляющей его следовать сюжету.

— Небесный Путь, это ведь сюжет Юй Сюаня? — спросил он.

Небесный Путь, проявившись, неловко кашлянул:

— Знаешь, вообще-то... нет.

Значит, идея с выбором наложников и снадобьем для деторождения принадлежала самому Лу Гуйюаню?

Ли Хуаймин: — ...

Его кулаки сжались еще сильнее.

Затем он услышал еще более шокирующие слова Сюй Чжияя:

— Не бойся, я помогу тебе сбежать. Я уже осквернен, но ты — столь чистый и благородный человек — не должен разделить мою участь.

Хотя император был тираном, сам Сюй Чжияй состоял в тайной связи с Ван Чэнем, участвуя в

заговоре против императора, и довел отца до смерти. Он был неверным, несыновним и погрязшим в позоре. Он был осквернен.

Но для Ли Хуаймина эти слова прозвучали иначе.

Что значит осквернен? Как именно? Что Лу Гуйюань сделал с Сюй Чжичуем прошлой ночью?!

Зрачки Ли Хуаймина расширились, а гнев ударил в самую голову.

<http://bllate.org/book/21607/2228555>